

О ФУНКЦИЯХ СМЕХА, СМЕШНОМ И НЕ ОЧЕНЬ...

Смех и рассуждения о смехе, как говорят в Одессе, – «две большие разницы». Рассуждения, как правило, серьёзны. Если же они смешны, – то это уже не смешно. Правда, ироничность, смешинки в специально сконструированных предложениях, в приводимых цитатах возможны и совместимы с теоретизированным исследованием. Каков данный текст – судить читателю. Смех – явление многомерное и многофункциональное. Способность смеяться, как значимая характеристика «*homo sapiens*», универсальна. Однако, формы смеха, его объект и побудительные мотивы имеют разные степени всеобщности. Сохраняя определённую устойчивость, они, в то же время, изменчивы, по-разному понимаются и оцениваются. Неоднозначны и границы смешного. Всё это связано с культурно-историческими, региональными, локальными особенностями, групповыми и личностными установками, индивидуально-психологическими данными. Наиболее полно и всеобъемлюще смеховая стихия проявляется во время народных массовых гуляний, карнавальных шествий, ярмарок, театрализованных представлений. Большинство торжеств, за исключением некоторых видов официально – государственных и религиозных, неотделимы от забав, шуток, веселья. Смеховой элемент присутствовал в древнейших ритуальных танцах, различных охотничьих («медвежьих» и т.п.), земледельческих, пастушеских играх и маскарадах. Почётное место занимало смеховое начало в культуре античности («смех – подарок Богов»), что ярко проявлялось, например, в празднике Панафиней в Афинах, в Сатурналиях, Флоралиях в Риме, не говоря уже о возникновении и процветании жанра сатиры. Не иссяк смех и в средневековье. Он приобрёл специфические черты, выражающие суть эпохи. Интересно, что в средневековой Европе, вопреки отрицательному отношению христианства к смеховой традиции, забавы и шутки вплетались в религиозные торжества. Именно в этот период возникли «специализированные» праздники смеха – дни «осла» и «дураков». Последних было несколько в году. Эти праздники существовали параллельно с официально – религиозными на полулегальном и нелегальном положении и выражали антиаскетизм, полноту жизненных сил, раскованность человека в пародийных и гротескных формах. Смеховая составляющая культуры, праздников в частности, характерна, – в различных вариациях, – и для возрождения, (наивысший расцвет смехового начала), и для нового и новейшего времени. Актуальность массовых праздников смеха, проводимых последние десятилетия в нашей стране и, конкретно, в Одессе, не вызывает сомнения. Их содержание является более или менее удачным, (а иногда и неудачным), ответом на вызовы современности. Однако, не всегда смех выплескивается на улицы и площади. Мы смеёмся по разным причинам дома, (реже на работе), в гостях, в кругу коллег-профессионалов или единомышленников, в межличностной коммуникации с людьми знакомыми и мало знакомыми, близкими и далёкими по духу. Приватность, камерность смеха так же необходимы человеку, как и возможность его публично-массового выражения. Смешное можно обнаружить всюду. Чего стоит, например, перл остроумия в обычном диалоге одесситов.

– Тётя Броня, почему вы постоянно не доливаете пива?

– Ой, та я ж плохо вижу!

– А почему вы тогда не переливаете?

– Та ты шо! Хочешь, шоб я совсем ослепла?

Многообразие жизненных ситуаций, событий, поступков, языковых выражений, вызывающих смех, и частично воспроизводимых, частично неповторимых, уникальных, а также мозаичность, разрозненность, противоречивость смеховых ориентаций (временных, пространственных, культурных, психо-соматических и др.), создают предпосылки для толкования смеха как явления фрагментарного, конкретно-фактического, ситуационного, носящего случайный характер. Но философский анализ предполагает исследование не всей конкретной полноты смеховых проявлений, а его внутреннего сущностного общезначимого содержания. При этом, смех рассматривается

как целостность, в единстве физиологического и психического, природного и социокультурного, как воплощение определённого мировоззрения. Эта сущностная сторона раскрывается в функциях смеха, его объекте и тематике. Поэтому, целесообразно, по нашему мнению, выделить в качестве основных, назвав в соответствии с содержанием, - охранительную, эвристическую, созидательную, рекреационную функции смеха. Кратко охарактеризуем их. Охранительная функция смеха выражается в защите традиционных норм и правил общежития, культурных ценностей. Осмеивается появление нового, не укоренившегося, или непонятного, чужого, чего сознание большинства конкретной общности не воспринимает. На быденном уровне – это насмешка над «не вписывающимися» в общепринятые требования, изменёнными бытовыми, семейными, поведенческими отношениями, поступками. В духовной культуре – насмешливое неприятие необычных идей, стилей и направлений, интерпретаций текстов и т.д. Данная установка, с одной стороны, способствует сохранности, устойчивости духовного достояния, с другой, - она же ведёт к непониманию назревших изменений, к недооценке подлинно талантливого, что может затруднять объективный процесс обновления культуры и расширения её пространства. Так, охранительный смысл смеха прослеживается в некоторых рассказах популярного в начале двадцатого века, но теперь забытого, писателя-сатирика А. Аверченко. Это и грустный смех в связи с ностальгией по уходящим и ушедшим ценностям («Осколки разбитого вдребезги», «Разговоры в гостиной»), и язвительное высмеивание модернистских течений в литературе и живописи («Аполлон», «Крыса на подносе», «Изумительный случай»). Противоположна значимость эвристической функции смеха. Она заключается в осуждении уродливых сторон действительности в настоящем, а также в нахождении и поддержке нарождающегося, нового и ориентирована на будущее. Поэтому осмеянию подвергаются уходящие, устаревшие, но ещё функционирующие социокультурные представления, нормы, правила. В этом позитивный смысл эвристической функции. Вспомним, к примеру, саркастический смех Н. Гоголя или В. Маяковского, для которого в идеальном будущем нет места порокам и несовершенству современности и прошлого. Вместе с тем, в эвристической, как и в охранительной функции, есть негативная сторона. Вместе с исторически обречённым и отжившим осмеиваются, порой, и не преходящие ценности, составляющие фундамент человеческого духа, что противоречит преемственности в культуре и, препятствуя связи времён, обедняет её. Такой радикализм был характерен, в частности, для футуристов – авангардистского направления начала двадцатого века. Автора «Манифеста итальянского футуризма» Ф. Маринетти, с его культом техники, жизнь мотора волновала больше, чем улыбка или слёзы женщины. А в России призывали сбросить «буржуазную» культуру с «парохода современности». Для отрицания традиционных культурных ценностей, футуристы использовали различные художественные приёмы, формы и жанры, в том числе, и комедийные. Правда, такие крайности, связанные с рассмотренными выше функциями, во-первых, всё же редки, во-вторых, – их последствия смягчаются другими культуuroобразующими факторами. В живой действительности эти функции пересекаются, взаимодействуют, дополняют друг друга. Преобладание одной из них на определённом этапе выражает тенденцию общественного развития. Созидательная и рекреационная функции связаны с предыдущими. Смех над псевдоновым, случайным или над отжившим, но перекрывающим дорогу закономерным новациям, проясняет сущность культурных процессов и является основой для созидательной функции. В ней осуществляется более адекватное понимание действительности, снимаются негативные аспекты охранительного и эвристического начал, расширяется смеховое поле. Созидательная функция дополняет другие, углубляя их смысловую наполненность и адаптируя к конкретным условиям символическую образность смеховой традиции. Цель рекреационной функции – эмоциональная разгрузка, снятие напряжения с человека, выход его из обыденности, повседневности, приобщение к другой, карнавального типа, действительности. Эта функция смеха реализуется в праздничных развлечениях, беззаботных шутках, играх, розыгрышах, в общем массовом веселье. Она наиболее синкретична, так как вбирает в себя частично все другие функции. В зависимости от

исторических условий одна из них становится ведущей, а смех представляет не только частное, местное, сиюминутное, но и особенности общего, а также определённого мирозерцания. Если в охранительной и эвристической функциях преобладают принижение, отрицание, уничтожение объекта осмеяния, то созидательная функция выражает, преимущественно, возрождающее, творческое начало смеха, оптимизм, позитивную перспективу. Всё это, включая безадресные шутки, игровые, нейтрального смысла, действия, присуще рекреационной сфере. Взаимодополнение и взаимопроникновение разных функций смеха выявляет его разносторонность, целостность, динамичность. На формы, способы и особенности выражения культурно-исторической заданности смеховой традиции, как и на отклонение от основных тенденций, среди других факторов, влияют конкретные субъектно-субъектные или субъектно-объектные отношения. Отражая в целом свою эпоху, индивидуальный или коллективный субъект вносит в смеховую деятельность личностное, неповторимое начало. Объектом смеха могут быть вечные, по выражению М. Шеллера, «отрицательные ценности». При этом, они выступают, либо как достаточно обобщённые абстрактные начала, (например, трусость, невежество, зло как таковые), либо как персонифицированные качества. Наряду с ними, объект осмеяния – местные или временные ситуации, конкретные поступки конкретных лиц. Достаточно часто объект смеха представляет сочетания частного и общего, индивидуального и типического, узнаваемого в различных исторических реалиях. Именно таков, к примеру, объект смеха в философских произведениях, памфлетах, комментариях, афоризмах Диогена (Синопского) и Эпикура, Эразма Роттердамского и Ф. Ларошфуко, М. Монтеня, Вольтера, П. А. Гольбаха и др. И конечно же, типическое в индивидуальном, общечеловеческом в конкретно-исторических образах представлено в различных жанрах комедийного искусства мирового уровня, начиная от Аристофана, Плавта, Апулея через средневековье и возрождение до наших дней. Поэтому и сегодня узнаваемы, понятны, интересны герои Дж. Бокаччио и Ф. Рабле, Лопе де Вега и В. Шекспира, Дж. Свифта и Ж. Б. Мольера, Р. Шеридана и О'Генри, И. Котляревского и Н. Гоголя, А. Грибоедова и Я. Гашека... Таковы и сатирические образы бездарных литераторов-графоманов в рассказах «Поэт», «Неизлечимые», менее известного, упоминавшегося ранее, А. Аверченко. В первом сюжете беспредельна навязчивость поэта, упивающегося своими несуразными, далёкими от поэзии, строками:

Хотел бы я ей чёрный локон
Каждое утро чесать.
И, чтоб не гневался Апполон,
Её власы целовать (1, с. 36).

Главный герой «неизлечимых», – прозаик, падкий на модные темы, и бездарно штампуемый одну и ту же ситуацию, с одними и теми же действующими лицами, но в различном модном антураже, доводя всё до абсурда, как, например, в сюжете на «естественно-научную» тему:

Мухи и их привычки.
(Очерки из жизни насекомых.)

Небольшая стройная муха с высокой грудью и упругими бёдрами ползла по откосу запылённого окна.

Звали её по мушиному – Лидия. Из-за угла вылетела большая чёрная муха, села против первой и, с еле сдерживаемым порывом страсти, стала потирать над головой стройными мускулистыми лапками. Высокая волнующаяся грудь Лидии ударила в голову чёрной мухи чем-то пьянящим... Простерши лапки, она крепко прижала Лидию к своей груди и всё заверте... (2, с. 115).

Смех, как реакция на неожиданное, на какие-либо естественные несоответствия или несообразности, противоречия, не имеет предварительных заготовок и этапов. В искусстве, в публично-праздничных или камерно-самодеятельных мероприятиях, смех – результат понимания и мысленного соучастия слушателей, зрителей в заранее продуманных и воплощённых темах и сюжетах. От замысла до развязки осуществляются последовательные до смеховые и смеховые акции. Это, во-первых, выявление

(обнаружение), выбор и представление объекта смеха, в котором критически воспроизводится определённый срез действительности. После этого наступает черёд эстетического низведения, разрушения или преобразования и даже возвышения объекта смеха. Художественное разоблачение негативных реалий способствует утверждению позитивно-ценностных ориентиров в конкретно-социальном пространстве и времени.

И вместо заключения. Смешное, представленное как в народной традиции, так и в профессиональном искусстве или возникшее спонтанно в каких-либо житейских ситуациях, обладает широким диапазоном – от забавно-безобидного, умилительно-трогательного, до гротескного, трагикомического, уничижительного. Соответственно, разнообразен и смех...

Смех бывает разным.
Красивым, безобразным,
Осмысленным и полым,
Чуть грустным и весёлым.
Неслышным или громким,
Заливчастым и звонким,
Рокочущим, утробным,
Угодливым и злобным.
Изысканным и грубым,
Зубастым и беззубым,
Самодовольно-сытым,
Доверчиво-открытым.
Ленивым или бодрым,
Бичующим иль добрым,
Бесстрашным и пугливым,
Язвительно-глумливым,
Серьёзным и шутливым.

А может быть... счастливым!

1. А Аверченко. Поэт. - Юмористические рассказы. М.1964г. стр. 36.
2. А. Аверченко. Неизлечимые - Там же. стр.115.